

Там, где живёт

Эта история была написана в середине 1970-х — когда романтика научных открытий, казалось, потеснила «устаревшие» сказки, а многие юные читатели гораздо больше интересовались буднями космонавтов, чем приключениями заколдованных принцев.

Мэри Нортон к этому времени стала уже крупным специалистом по волшебству: её истории о крошечных добывайках и о путешествиях на волшебной кровати были переведены на многие языки. Своеобразный поединок между жаждой чуда и верой в прогресс писательница разрешает весьма изящно.

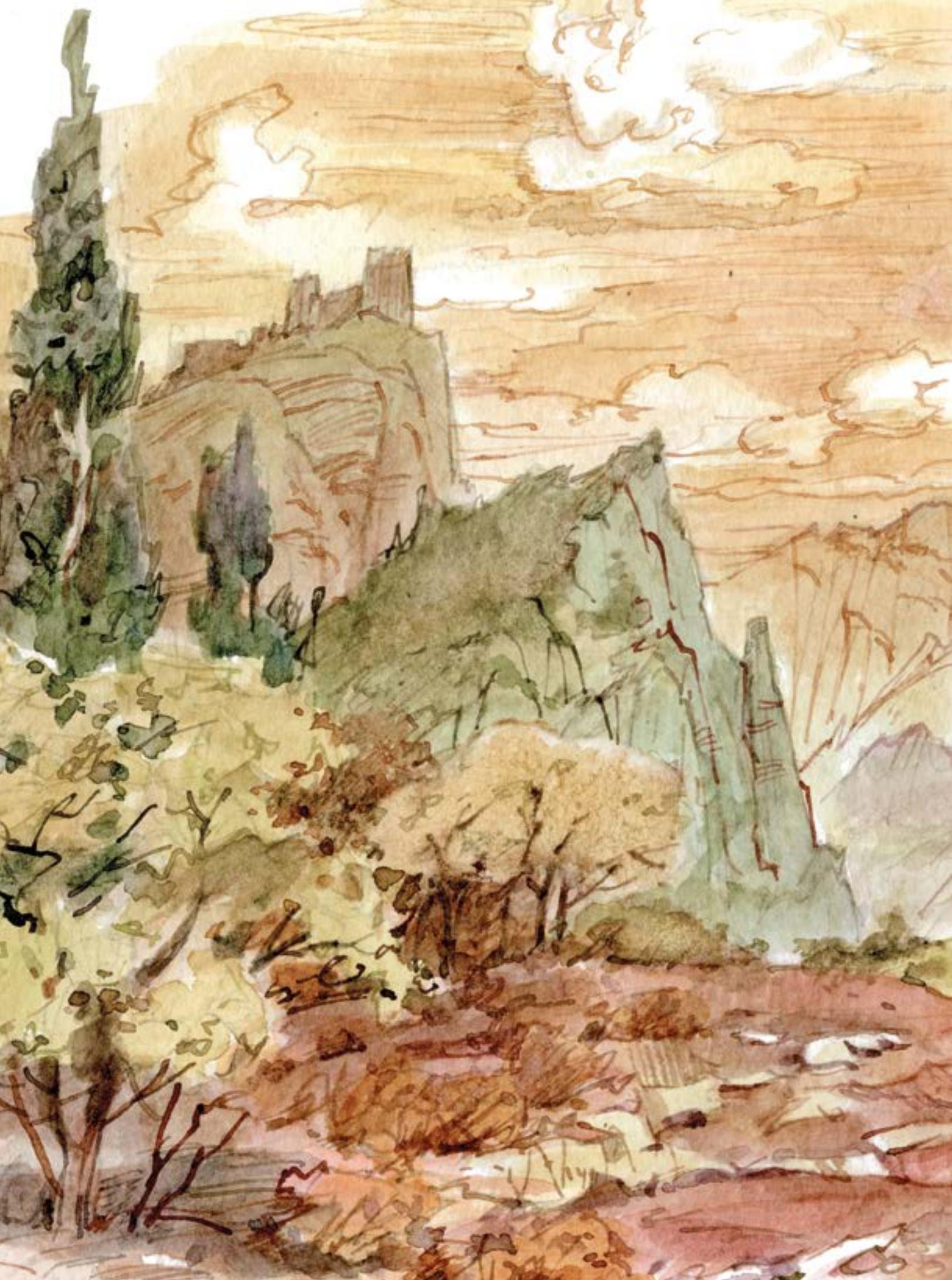
Мы видим сказочный мир без привычного романтического флёра — глазами мальчика, который предпочитает «научно-художественные книжки». Любопытный и ироничный, он подмечает множество неожиданных деталей. И оказывается, что волшебная страна и её герои весьма сильно меняются с течением времени. Это и понятно — ведь живут они, только пока их помнят и любят дети, соперничать же в этом плане с роботами и космонавтами становится всё труднее. Но удивительным образом под скептическим взглядом современного подростка мир старых добрых сказок словно бы оживает и приближается к нам. Он так трогательно хрупок

Волшебство

и уязвим, что просто невозможно остаться равнодушным. Быть может, в этом и заключается его таинственная сила?

Обо всём этом Мэри Нортон повествует без малейшего пафоса. Эту сказку она написала, когда ей было уже больше 70 лет, но ирония свойственна самой писательнице не меньше, чем её юным героям. И потому её добрая насмешка относится не только к сказочному миру, но и к тем, кто в него не верит. Ведь каждому из нас так важно знать, что всё будет хорошо, — а именно об этом и сложены все сказки.

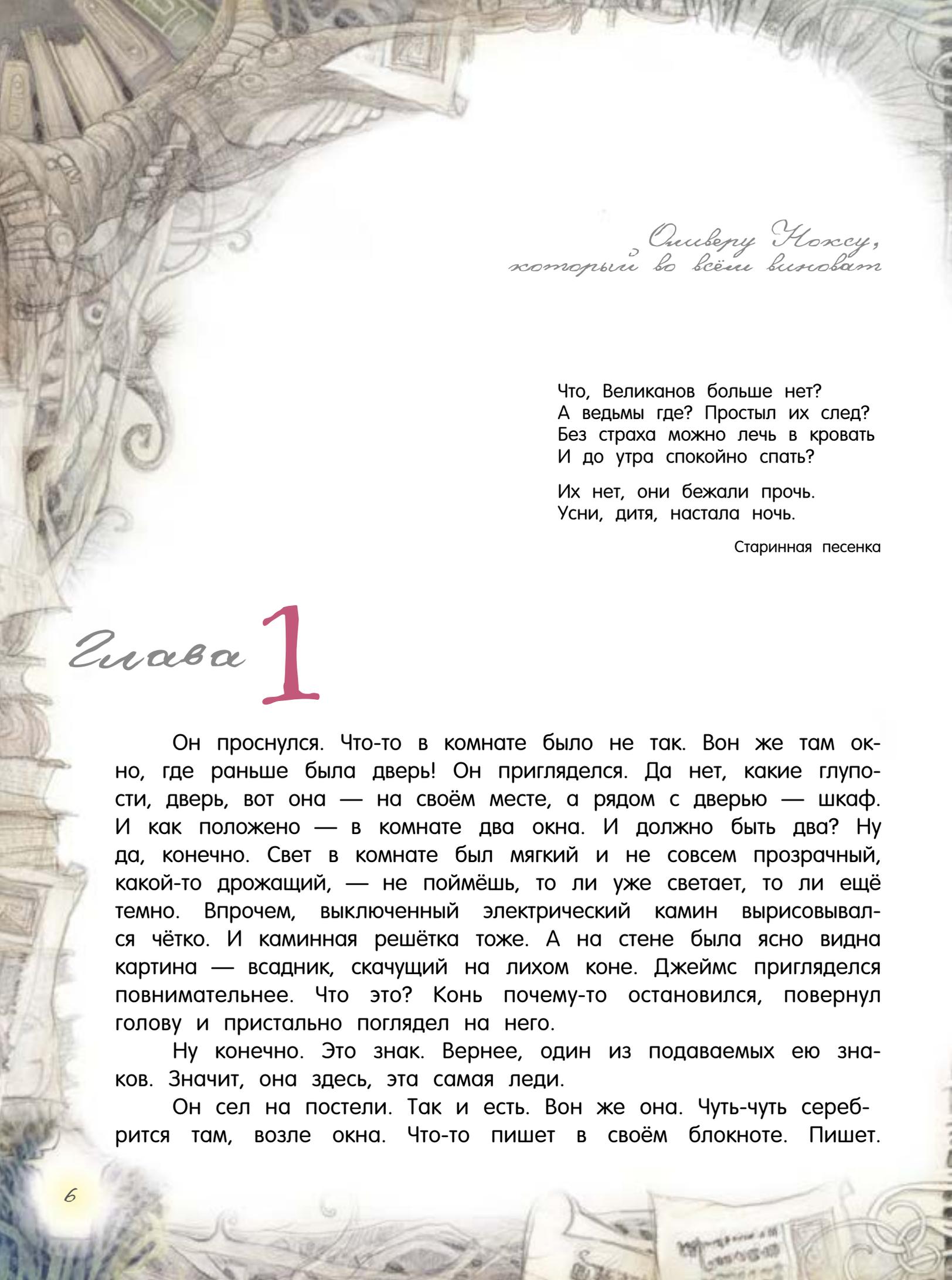
Погружение В сказку

Рассказ об удивительном путешествии мальчика Джеймса совсем не похож на привычные сказочные истории и увлекает своим необычным сюжетом. Невозможно предугадать, как будут развиваться события, и вместе с тем сразу испытываешь доверие к столь убедительному ландшафту, созданному писательницей. Ты просто погружаешься в этот сказочный мир, очарованный его своеобразным обаянием.

Как ни странно, на сказочных дорогах почти не встречается отрицательных персонажей, хотя присутствие их и угадывается где-то на заднем плане. Многие герои, казалось бы, знакомые нам с детства, здесь оказываются совсем иными, более человечными — и оттого более близкими. Мне как художнику было очень интересно показать их в таком неожиданном ракурсе. В отличие от обычных сказок, в этой всё подвластно времени — пожалуй, даже ещё больше, чем в нашей повседневной жизни. Герои выглядят постаревшими, но от этого ещё сильнее становится ощущение теплоты, надёжности, защищённости: они такие опытные, сразу чувствуешь, что всё непременно будет хорошо. И, конечно, очень понравилась сама Милдред — гид по волшебным королевствам, такая милая и приятная. Она вызывает симпатию у всех: и у сказочных героев, и у мальчика-подростка, и у читателей наверняка тоже.

В. Ченак

*Оливеру Хоксу,
который во всём виноват*

Что, Великанов больше нет?
А ведьмы где? Простыл их след?
Без страха можно лечь в кровать
И до утра спокойно спать?

Их нет, они бежали прочь.
Усни, дитя, настала ночь.

Старинная песенка

Глава 1

Он проснулся. Что-то в комнате было не так. Вон же там окно, где раньше была дверь! Он пригляделся. Да нет, какие глупости, дверь, вот она — на своём месте, а рядом с дверью — шкаф. И как положено — в комнате два окна. И должно быть два? Ну да, конечно. Свет в комнате был мягкий и не совсем прозрачный, какой-то дрожащий, — не поймёшь, то ли уже светает, то ли ещё темно. Впрочем, выключенный электрический камин вырисовывался чётко. И каминная решётка тоже. А на стене была ясно видна картина — всадник, скачущий на лихом коне. Джеймс пригляделся повнимательнее. Что это? Конь почему-то остановился, повернул голову и пристально поглядел на него.

Ну конечно. Это знак. Вернее, один из подаваемых ею знаков. Значит, она здесь, эта самая леди.

Он сел на постели. Так и есть. Вон же она. Чуть-чуть серебрится там, возле окна. Что-то пишет в своём блокноте. Пишет.

Всё пишет и пишет. В предрассветном тумане ему удалось разглядеть её силуэт. И ещё кипу журналов на подоконнике.

В окна понемногу вплывал рассвет. Она кончила писать и теперь перебирала и перекладывала журналы. Ну когда же она посмотрит на него? Ага, посмотрела.

— Привет, Милдред, — улыбнулся он.

Она засмеялась своим, не поймёшь, то ли странным, то ли каким-то смущённым смехом. Она всегда так смеялась, когда он называл её Милдред. Может, надо говорить «тётя Милдред»? Или обращаться к ней «миссис Как-вас-там» — ну, что-нибудь в этом роде. Её смех означал: «Чего только не позволяют себе современные дети», а следовавшая за ним улыбка: «Да ладно, пусть их, что уж теперь».

Но вообще-то все так её и звали: Милдред. («Милдред, дорогая, как мы рады тебя видеть!», «Как ты чудесно выглядишь, Милдред, дорогая, ни капельки не изменилась!», «Ну кто бы ещё, кроме тебя, Милдред, дорогая, вспомнил бы о нас в наше-то время!»)

Ну и как ему было её называть? Другого имени он ни разу не слышал.

— Привет, Джеймс, — отозвалась она.

— Куда мы с тобой отправимся? — спросил он, понемногу освобождаясь от своего тела. Сейчас он уже привык и несколько не смущался того, что мог свободно бродить по комнате в то время, как его тело продолжало лежать на постели. «Такая точная

моя копия, — подумал он, — светловолосый мальчишка, волосы длинные, рассыпались на подушке, рука откинута в сторону. Мама, ясное дело, примет этого за меня самого».

Милдред иногда умела всё очень даже по-умному организовать. Правду сказать, не всегда. Сейчас она там что-то быстро-быстро с придыханием тараторила своим странно звенящим голосом.

— А потом, — говорила она, — мы должны навестить Буфи и Бо, это очень хорошие друзья...

— Ладно, — согласился он, внимательно глядя на то, как она собирает бумаги и книги и аккуратно укладывает их в свою сумку с ручной мексиканской вышивкой; наверное, будет интересно. Только знать бы ему, кто они такие, эти Буфи и Бо? А ещё она и до них кого-то там упоминала. А эти-то кто?

— Они опасные? — спросил он как бы невзначай.

Милдред встала, поглядела на него, наклонила голову набок, вставляя в ухо маленькую жемчужную серёжку:

— Ты про сегодня спрашиваешь?

— К кому, ты сказала, надо ещё пойти, кроме Буфи и Бо?

— Видишь ли, это зависит от времени, — непонятно ответила она, заглянув в свой блокнот, прежде чем стянуть его резинкой и аккуратно уложить в сумку.

Она пошарила в карманах своего широкого летнего плаща, извлекла пару серых, довольно дорогих, замшевых перчаток, надела их, хорошенько расправив на пальцах, оглядела комнату.

— Ну, теперь вроде бы всё, — сказала Милдред. (Она смотрелась очень элегантно в этом странном предрассветном полумраке.)

— Что у тебя на ногах? — спросила она.

— Мокасины.

— Хорошо. И, пожалуй, надень кожаный пиджачок.

Он последовал за ней и, невесомый, легко спустился с лестницы. Ему всегда так нравилось это ощущение: лёгкий толчок ногой — и тут же поднимаешься в воздух, точно взлетаешь. И, как всегда бывает рядом с Милдред, знакомая лестница выглядела необычно: в ней появился ещё один пролёт. Да и холл внизу тоже был неузнаваем. Привычными были только два совиных чучела и старинные часы на стене. Сам холл почему-то вытянулся, и мебель там стояла другая, незнакомая. Всё это были выдумки Милдред. Вот, например, подставка для тростей. Все трости были чужие. А ещё

там находилась трость с раскладным сиденьем, которой в доме сроду не бывало. Милдред это всё в шутку напридумывала.

Милдред, повернувшись к нему спиной, старалась отпереть дверь. Что-то у неё там не ладилось, а она хотела, чтобы Джеймс этого не заметил.

Они вышли на улицу. Светало. А может, только казалось, что светает. Улица Смит-стрит выглядела вполне обыкновенно. Он даже и не удивился тому, что в доме ещё царил сумрак, а на улице было довольно светло. Милдред, как ему помнилось, ничего не стоило устраивать такие штучки. Вокруг не было никого, только слышалось, как на соседней улице добрый Сид-молочник гремит бутылками. (Кстати сказать, когда у Сида выдавалась свободная минутка, он играл на кларнете.) Уличное кафе напротив было пока что закрыто и находилось в полном разоре: столы голые, без скатертей, стулья все перевернуты вверх ногами. Впереди располагался сквер Бэртон-Корт. Ветки его высоченных деревьев не шевелились и казались перьями на фоне утреннего голубого неба.

— Поторопись, — сказала Милдред, — боюсь, что мы с тобой опаздываем.

Она шла быстро, слегка наклонившись вперёд, тонкие ноги её так и мелькали. Её собранные в пучок золотистые волосы растрепались. Джеймс старался поспевать за ней, продолжая наслаждаться своей летучей походкой, с каждым шагом легонько отталкиваясь в воздух. Но вот он оттолкнулся посильнее и тут же её обогнал.

— Нет, Джеймс, — сказала она. — Отложи эти фокусы на потом. Иди как следует. На улице могут быть люди...

Ему показалось, что она внезапно забеспокоилась.

— Надо было мне надеть шляпку, — продолжала Милдред. — Маленькую, с полями и вуалью. Не то чтобы мне это так уж нравилось. Но такая шляпка легко помещается в сумке. И в некоторых случаях, вроде этого, очень даже может пригодиться...

Но Джеймс её не слушал. Он смотрел, как над вершинами деревьев в Бэртон-Корт возникает белое облако. Постепенно оно становилось похожим на прекрасный дворец. Вот он виден всё яснее и яснее, этаж за этажом, башенка за башенкой. Солнце поднялось уже высоко, оно освещало дворец, который казался Джеймсу уж слишком белым, точно сделанным из сахарной глазури. Он слегка

замедлил шаги, догадываясь, что их ожидает: снова, как уже бывало раньше, «люди из старых волшебных сказок». Через минутку он слегка приободрился, зашагал быстрее, подумав: «А что, это даже может оказаться интересным».

У дворцовых ворот стояли, вытянувшись в струнку, двое стражников с алебардами. Милдред предъявила им пропуск и вместе с Джеймсом направилась к парадному крыльцу. В саду, как всегда, златовласая девочка играла золотым мячиком. Джеймс поднялся вслед за Милдред по белоснежным мраморным ступеням. Там, наверху, возле распахнутых дверей тоже стояли стражники

